

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Изменение баланса сил в Евразии

Середина 17 столетия была отмечена глобальным кризисом и его последствиями. Рост популяции Земли замедлился, чему причиной стали похолодание, неурожаи и социально-экономические потрясения; изменения эти оказались только частью цикла, и вскоре, темпы роста возвращаются к докризисным. Вспыхивающие в разных областях Западной Европы религиозные войны привели в 1618 году к общеконтинентальному конфликту между католиками и протестантами. Эту войну характеризовали невиданные ранее разрушения и беспрецедентная жестокость по отношению к населению; регионы северной Германии и Богемии потеряли до 20 процентов численности. Тем не менее, подписанные в 1645 и 1648 годах мирные договоры в Вестфалии поставили точку на религиозных конфликтах, что, как оказалось впоследствии, надолго ограничило масштабность связанного с войной насилия. В восточной части Евразийского континента Китай пережил череду крестьянских восстаний и вторжений с севера, что в итоге привело к падению династии Мин. Вооруженные действия между повстанцами, маньчжурскими завоевателями с севера и последними сторонниками свергнутой династии закончились лишь в 80х годах 17 века. Несмотря на это, новой династии, пусть и не китайского происхождения, удастся восстановить порядок в стране, получить известную степень легитимности и перевести внешнеполитические приоритеты Поднебесной с обороны на экспансионистские рельсы. Таким образом, импульса, накопленного прежде, хватило, чтобы преодолеть совокупность демографического упадка, политической нестабильности и экономической рецессии, и продолжить тенденции к укреплению государственной власти, наметившиеся веком ранее.

Именно росту политических формаций на Евроазиатском континенте после кризиса середины 17 века и будет посвящена первая часть данной лекции. Наше внимание сконцентрируется на трех мировых империях: китайской Цинь, Российской империи Романовых, и испанской монархии Габсбургов и Бурбонов. Во второй половине лекции мы поговорим о ситуации в разделенной на средние и небольшие государства в Европе. Политический динамизм проявился здесь не столько во внешней экспансии, сколько в росте королевской власти за счет ослабления позиции провинциальной родовой знати.

17 век застал некогда сильную империю Мин в состоянии упадка. Тому были свои причины: некомпетентность раздираемой дворцовыми интригами центральной власти, возрастающие трудности со сбором нового «серебряного» налога, полоса неурожая, и, как следствие, голод. В глазах преимущественно крестьянского населения политические неудачи и стихийные бедствия воспринимались как утрата династией «небесного мандата» – главного источника легитимности. В рамках как традиционной культуры, так и конфуцианской философии, считавшей при обычных обстоятельствах послушание одной из ключевых добродетелей, это служило достаточным основанием для неповиновения и восстания. Крестьянские восстания, вспыхивающие в разных областях Китая, к началу 40-х годов 17 века приняли характер всеобщей гражданской войны, подорвавшей окончательно способность династии к управлению государством.

Ситуация в стране, предшествующая концу Мин, в некотором роде напоминала ту, что привела к воцарению Мин тремя веками ранее: монгольская династия Юань также пала в результате массового крестьянского восстания. В отличие от Чжу Юаньчжана, предводителя «Красных повязок» и основателя Мин, в 17 веке лидеры крестьян оказались не в состоянии установить новую китайскую династию на месте старой. В полной мере создавшимся политическим вакуумом воспользовались маньчжуры или чжурчжэни, тунгусский народ, населявший современную Маньчжурию и Приамурье. В начале 17 века один из предводителей, Нурхаци, сумел объединить разобщенные маньчжурские племена и объявить о начале новой династии Цинь. Его наследник Абахай или Хун Тайцзы (1626-1646) переименовал династию, дав ей имя «Цин». В виду ослабления Китая, он покорил Внутреннюю Монголию и Корею и предпринял ряд опустошительных походов на северные провинции Мин. В 1644 году, ведомые регентом князем Доргоном при малолетнем императоре, маньчжуры приступили к полномасштабному завоеванию Средней империи. Под предлогом борьбы с повстанцами, они захватили Пекин и начали продвижение на юг. Как и в случае с монгольским завоеванием Китая в 13 веке, маньчжуры продвигались медленно, воюя одновременно с многочисленными крестьянскими армиями, бежавшими в Фуцзянь и Тайвань вместе с минскими князьями и

мятежными китайскими генералами. К концу 70-х и началу 80-х годов, маньчжуры, сломав сопротивление на суше и на море, стали единоличными властителями огромной страны.

Завоеванием Китая маньчжурская династия Цин не ограничилась. Во время многолетнего правления императора Канси (1661-1722), маньчжуры подчинили себе Халху (Внешнюю Монголию), и превратили Тибет в вассальное государство. В конце 17 века маньчжуры начали войну с западными монголами – ойратами или джунгарами – закончившуюся уже при императоре Цяньлуэне, почти тотальным уничтожением последних в 1758 году.

Продвигаясь на север, Цин вошла в соприкосновение с другой экспансионистской державой – Российским государством. После ряда стычек с русскими казаками, две империи заключили в 1689 году в Нерчинске мирный договор, оставившую долину Амура за маньчжурами.

Это событие, произошедшее в небольшом русском поселении, оказалось знаковым. С Нерчинским договором, положившим начало русско-китайским дипломатическим отношениям и на 170 лет определившим границу в регионе, начался процесс окончательного поглощения внутренней Евразии оседлыми государствами. На протяжении трех тысяч лет огромная территория Великий Степи являлась непреодолимой преградой для оседлых империй; довлевшие над ними кочевники создавали здесь свои политические формирования, периодически выходя за пределы степи с целью краткосрочной наживы или долгосрочного завоевания. Таковыми были созданные кочевниками Киммерийское государство, царство Скифов, Сарматов, государство Сюнну, Тюркский Каганат, и, как кульминация, Монгольская мировая империя. Кочевники, таким образом, в отношении к оседлым государствам, были и фактором неизвестности, и агентом, упрочняющим Евразийское единство. Теперь же, имея в наличии многочисленные, вооруженные огнестрельным оружием, армии, контингент координируемых из центра бюрократов, население, испытывающее нехватку земли, оседлые империи перешли в контрнаступление на Степь. Начавшееся с покорения Россией Сибири и Монголии Китаем, процесс присоединения и кооптации внутренней Евразии займет 200 лет и закончится лишь с так называемым «усмирением» Туркмен в 1881 году.

Находясь под влиянием опыта монголов династии Юань, Цинские правители Китая предприняли ряд мер с целью предотвратить китаизацию маньчжуров. Общение между маньчжурами и китайцами Хань было ограничено – последним, например, воспрещалось брать в жены девушек-маньчжурок. Одновременно были созданы две параллельные бюрократические структуры – одна, занимавшаяся делами маньчжуров, другая – китайцев. Бюрократы конкурировали между собой за ресурсы и за расположение двора, что, отчасти, и являлось одним из желаемых цинским правительством результатов. В краткосрочной перспективе, такая сегрегация, возможно, и помогла маньчжурам сохранить свою идентичность – и боеспособность. В долгосрочной перспективе же она сохранила среди китайцев представление о маньчжурах, как о завоевателях, чуждых интересам страны и народа.

Российскому государству, находящимся на грани иностранного завоевания в начале 17 века, удалось более или менее оправиться от наиболее пагубных последствий Смутного времени. На время царствования Алексея Михайловича (1645-1676), второго представителя династии Романовых, приходится целый ряд событий, приведших к внутреннему усилению государства и росту его внешнеполитической значимости; в частности, следует обратить внимание на начало присоединения Украины к России. Полноправным игроком в мировой политике Москва становится при младшем сыне Алексея, Петре I, потомками прозванным «Великим» (1682/89-1725). При нем темп «вестернизации» или «модернизации» ускорился. Система местничества, при которой положение в государственной бюрократии зависело от происхождения, была отменена; на смену ей пришла меритократическая система, построенная на положениях «Табеля о Рангах». Церковь, прежде наряду со светской властью бывшая одной из составляющих московской государственности, с созданием Святейшего правительствующего Синода, переводится в подчиненное светскому государству положение. Создавались школы западного типа, и вместе с ними издавались указы, обязавшие отпрысков дворянских фамилий к изучению таких дисциплин, как математика. За год до своей смерти Петр заложил Академию Наук, символизирующую приверженность власти западному – научному – восприятию мира.

Наиболее же важными с точки зрения самого Петра стали реформы армии. Уничтожено было превратившееся в своеобразную преторианскую гвардию стрелецкое войско. На его

месте формировались обученные и вооруженные на европейский манер регулярные пехотные и кавалерийские полки. Вместе с этим закладывались основы Русского флота, ставшего отражением стремления России укрепиться на Балтийском и Черном морях.

Первое удается сделать Петру в результате победы над Швецией в изнуряющей Северной Войне (1700-1721). Конфликт, сместивший Швецию с позиции Великой державы и поставивший Россию на ее место, ознаменовался строительством новой столицы, названной по-голландски Санкт-Петербургом. Южная политика, направленная на обретение земель в Причерноморье, заканчивается для Петра неудачей. Его наследники, в первую очередь ставшая российской императрицей германская принцесса София Фредерика Ангальт-Цербстская, более известная под именем Екатерины Великой, добились серьезных успехов в борьбе с Османской империей за контроль над Черным морем. В результате двух войн с турками, Империя аннексирует земли Орды Едиган между Бугом и Днестром и Малой Ногайской Орды в Приазовье; наиболее важным приобретением в южном направлении стало Крымское ханство. Присоединение этого последнего осколка Золотой Орды также можно рассматривать в упомянутом контексте покорения Внутренней Евразии оседлыми государствами.

Российская империя, ставшая с Петром I одним из ключевых европейских игроков, упрочняет свое положение на континенте поглощением обширных восточных земель польской Речи Посполитой. Поделенная между Россией, Пруссией и Австрией, Польша в 1795 году потеряла независимость на 123 года.

Империя росла и в восточном направлении, в сторону Тихого Океана и далее. Камчатка, пусть изначально и формально, стала в начале 18 века частью России. За этим следуют две экспедиции Витуса Беринга, открывшие Аляску, а вместе с ней и новые возможности для российской колонизации. Присоединив Аляску, Империя объявляет свои права далее на северную Калифорнию, где в 1812 году была заложена русская крепость Форт Росс. В результате, к 1820 году империя располагалась на трех континентах: в Европе, Азии и Америке.

На нескольких континентах раскинулась и Испанская империя, однако, в отличие от России, являющей из себя непрерывную территориально-политическую целостность, Испания была отделена от своих владений Атлантическим и Тихим Океанами. К 1650 году, несмотря на ослабление своих европейских позиций, Испания сумела сохранить и увеличить владения в Западном полушарии.

Испанские интересы, как минимум в теории, представлялись колониальной администрацией. К первоначальным двум вице-королевствам в 18 столетии добавились еще два: выделенные из Перу Новая Гранада с центром в Боготе и Рио-де-Плата с центром в Буэнос Айресе. Несмотря на реформы, проводимые пришедшей на смену Габсбургам Бурбонской династией, власть вице-королей оставалась значительной. Этому способствовала как отдаленность Американских владений от метрополии, так и слабо развитая инфраструктура внутри самих колоний. Управляемые непосредственно из Мадрида королевские аудиенции, система апелляционных судов, защищали не столько интересы короны, сколько интересы колониальной элиты. Таким образом, вопрос власти – вопрос ее распределения между Метрополией и вице-королями – был неразрывно связан с тем, чью сторону принимала господствующая в Америке социальная прослойка.

Колониальная элита восполнялась за счет двух групп: европейцев, родившихся непосредственно в Испании (т. н. *peninsulares*) и креолов, т. е. родившихся в колониях потомков европейских переселенцев. К началу 19 века на эти две группы приходилось порядка 4 миллионов жителей. Креолы были большинством среди них, что, однако, не отражалось в их удельном политическом весе. Наоборот, Мадридское правительство, желая сдержать рост кумовства и усилить собственное присутствие, не доверяла креолам и всячески стремилось ограничить их доступ к высшим управленческим санам. В 19 веке эта политика обнаружила свою несостоятельность, приведя к результатам, обратным от ожидаемых: именно обойденные властью креолы, возьмут на себя руководящую роль в латиноамериканских войнах за независимость от испанской короны.

Большую часть населения составляли, однако, не они. Численность индейцев, несмотря на катастрофические для них последствия колонизации, продолжала превышать численность белого населения. На некоторых островах Карибского бассейна африканские рабы являлись

большинством. На стыке рас возникли смешанные населения, так называемые метисы. Их численность в соотношении к общей популяции неизменно росла; так, в Мексике к 1810 году около 40 процентов населения имели одновременно индейские и европейские корни.

К 1700 году ряд европейских держав создали обширные колониальные империи за пределами континента. Сама же Европа, как и ранее, оставалась разделенной на средние и малые государства; мечта Карла V об объединенной христианской империи разбилась о религиозные раздоры, амбиции соперников и хроническую нехватку ресурсов. Раздробленность стала основой для нового порядка, запечатленного в постулатах Вестфальского мира. Право быть высшей инстанцией в международных отношениях отныне не принадлежало ни Папе Римскому, ни Императору Священной Римской Империи; вся суверенная власть перешла в руки отдельно взятого государства, каким бы небольшим оно не являлось. Политическая иерархия Средневековья сменилась теоретическим равенством признанных геополитических игроков.

В этой связи центральным стал принцип баланса сил на континенте; не одно из государств не должно было стать слишком сильным, чтобы нарушить установившееся после 30-летней войны равновесие; не могли государства и быть слишком слабыми, дабы не попасть в зависимость от своих соседей. Войны конца 17 и 18 веков поэтому отличались умеренностью стратегических целей и сдержанностью по отношению к населению. Такая система продержалась до самого конца 18 века – т. е. до Французской революции, породившей массовые народные армии и направившей их с миссией установления всеобщей свободы вплоть до окончательного уничтожения противника.

Принятие за основу новой международной системы суверенных государств выразилось в повсеместном усилении королевской власти на континенте. Известную как абсолютизм, идею о короле, как о носителе Богом данной власти, не следует отождествлять с произвольным владычеством амбициозных и жадных до власти тиранов, деспотов или диктаторов. Стоит помнить, что абсолютизм подразумевал поддержание социального мира, восстановленного с таким трудом после десятилетий гражданских войн; кроме того, отношения между претендующим на абсолютную власть монархом и подданными строились по неписанному контракту, в соответствии с которым повиновение последних являлось следствием справедливости первого. В теоретических обоснованиях абсолютизма, Бог, поэтому, выступал и как пример неограниченной власти, и как судья праведности монарших поступков.

Наиболее полную форму абсолютизм обрел во Франции. Пришедшая в конце 16 века династия Бурбонов воспользовалась всеобщим желанием стабильности для обуздания власти провинциальной знати. Служилое дворянство, именуемое во Франции «дворянством мантии», укрепляло королевское присутствие на местах; вместе с ними пришли и т. н. интенданты, т. е. профессиональные чиновники, временно поставленные во главе отдельных отраслей государственного управления вместо выходцев из аристократических семей.

На правление Людовика XIV (1643–1715) пришелся золотой век французского абсолютизма. Гражданская война между сторонниками королевской власти и недовольными аристократами – Фронда – окончилась поражением последних и их последующей кооптацией в государственный аппарат. Строительство Версаля – новой резиденции королей – во многом отразило сложившуюся после Фронды обстановку. От аристократов, проводивших время при Версальском дворе, а не в своих провинциальных резиденциях, требовалось лояльность к власти; взамен они получали земли и титулы, а также и право чувствовать себя причастными к полу-божественному ареолу, сложившемуся вокруг личности Короля-Солнце.

Несколько иначе обстояли дела в Пруссии. Еще недавно маленькое северогерманское курфюршество Бранденбург, благодаря энергичным правителям из династии Гогенцоллернов это государство превратилось в сильную европейскую державу. Армия была в центре внимания курфюршества, ставшими затем королями Бранденбург-Пруссии. Вольтер выразил весьма точно суть северогерманского государства посредством язвительного афоризма: «У других государств есть армия. Пруссия же – это армия, у которой есть государство».

Армия стала основной для прусской модели абсолютизма. Для ее поддержки требовались огромные средства, получить которые государство могло только обложив налогом аристократическое сословие. На этот шаг не решались даже французские монархи; удивительно, однако, но сопротивления подобного Фронде в Пруссии не последовало.

Наследственная аристократия, таким образом, превратилась в служилое дворянство. Прусская монархия выстроила с ней отношения в соответствие со строгой иерархией. Аристократам – юнкерам – предоставлялась пусть и подчиненная, но важная роль в проекте становления прусского государства. В определенной мере это отразилось в той роли, что юнкеры начали играть в самой армии; с течением времени служба в офицерском корпусе стала для последних настоящим «raison d'être», новым источником сословной идентичности вместо частично утраченных сословных привилегий.

В истории роста и распространения абсолютизма Британия является важным исключением. Преградой к усилению королевской власти стал Парламент, взявший еще в эпоху последних Тюдоров ряд важных прерогатив. Стюарты, взошедшие на английский престол со смертью Елизаветы I, попытались ограничить влияние парламента, однако их действия в совокупности с эскалацией религиозного инакомыслия, привело в 1642 году к долгой и кровавой гражданской войне. Роялисты, т. е. сторонники Карла I Стюарта, защищали не только интересы короля и королевской власти; по умолчанию они выступали в качестве защитников Англиканской церкви, вернее, наиболее консервативного течения в ней. На стороне же Парламента оказались религиозные радикалы, последователи Жана Кальвина, стремившиеся к чистой, с их точки зрения, форме христианства (отсюда и название – Пуритане – от «pure», «чистый»).

Ведомые пуританином Оливером Кромвелем, сторонники Парламента к 1649 году одержали победу над роялистами. С казнью Карла I в Англии на время установилась республика. В 1660 году Парламент, уставший от диктатуры своего лидера, инициировал процесс реставрации монархии, пригласив на трон бежавшего во Францию старшего сына казненного короля Карла II. Восстановление монархии, не стало причиной ослабления Парламента. Наоборот, последний сохранил за собой политическую инициативу, подготовив и осуществив переворот в 1688 году, повлекший смену династии. Новые монархи – штатгальтер Нидерландов Вильгельм Оранский и его супруга Мария II – пошли Парламенту на ряд уступок, зафиксированных в Билле о Правах. Билль, хоть и не строго, но определил границы королевской власти и подтвердил целый ряд прав подданных. Таким образом он стал краеугольной частью неcodифицированной британской конституции, действующей до настоящего момента.

В целом же, абсолютизм стал средством к усилению государственной власти на подвластных королям территориях. Выступая против установленных феодальным правом позиций родовой знати, монархи создали условия для появления новой элиты из служилого сословия, мещан, купцов и представителей юридической профессии. В конце концов, вопреки хрестоматийному утверждению Людовика XIV, отождествившего себя с государством, государством стали именно они. Единственное, что стояло на пути к формальному признанию свершающегося, если не свершившегося факта – была монархия. В этом противопоставлении монарха и приходящей на смену аристократии буржуазной элитой оказались заложены предпосылки для нового политического потрясения, начавшегося с захвата парижскими горожанами королевской тюрьмы Бастилии.